

Оглавление

Происхождение, детство и отрочество преп. Серафима	2
ЮНОСТЬ ПРЕП. СЕРАФИМА И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ НА БОГОМОЛЬЕ В КИЕВ	3
ПРИБЫТИЕ ПРЕП. СЕРАФИМА В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ. ВОСЬМИЛЕТНИЙ ИСКУС	4
ПРЕП. СЕРАФИМ - МОНАХ, ИЕРОДИАКОН, ИЕРОМОНАХ	6
ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО ПРЕП. СЕРАФИМА. «ДАЛЬНЯЯ ПУСТЫНЬКА»	8
НАПАДЕНИЕ РАЗБОЙНИКОВ	10
БОЛЕЗНЬ И ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ	11
ОТКАЗ ОТ ПОСТА НАСТОЯТЕЛЯ	13
МОЛЧАЛЬНИЧЕСТВО	13
МОЛЕНИЕ НА КАМНЕ	14
ЗАТВОРНИЧЕСТВО ПРЕП. СЕРАФИМА	15
ВСТУПЛЕНИЕ ПРЕП. СЕРАФИМА НА ПУТЬ СТАРЧЕСТВА	15
ПРЕП. СЕРАФИМ И ДИВЕЕВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБИТЕЛЬ	19
ОБ ОСНОВАНИИ МЕЛЬНИЧНОЙ ОБИТЕЛИ	19
«БЛИЖНЯЯ ПУСТЫНЬКА» ПРЕП. СЕРАФИМА	20
ПРОЗОРЛИВОСТЬ ПРЕП. СЕРАФИМА. БЕСЕДЫ С МИРЯНАМИ И ИНОКАМИ	22
ИСЦЕЛЕНИЯ ПО МОЛИТВАМ СТАРЦА	23
ЯВЛЕНИЕ ПРЕП. СЕРАФИМУ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ	28
ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ПРЕП. СЕРАФИМА. ЕГО БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ	35
О ПРОСЛАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО	38
НЕКОТОРЫЕ ДУХОВНЫЕ СОВЕТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО	39
Как старец Серафим принимал посетителей	39
О пути спасения	41
Цель жизни христианской	43
О молитве	43
О церкви	44
О Святых Тайнах	46
О чтении Евангелия	46
О Втором пришествии Господнем	46
О благодарении Бога	46
О хранении познанных истин	47
Учить других - камешки бросать	48
Скорби - от страстной жизни	48
О борьбе со страстями	48
Не покоряться диавольскому страху	48
О милостыне и благотворении	49
О болезнях	49
Об источнике преп. Серафима	50
О приготовлении к смерти	50
Впавшим в грех	50
Для избирающих жизненный путь	51
О семейной жизни	51
О родителях и детях	52
Надо угождать Богу, а не людям	52
Высокопоставленным лицам	52
Начальствующим	52
Подчиненным	53
Военным	53
Беседа с Богдановым	53
Литература	54

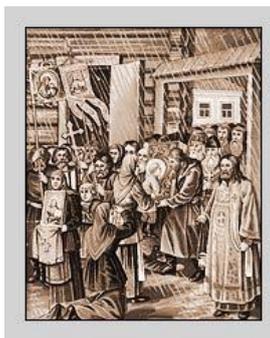

Батюшка Серафим был родом из губернского города Курска, где отец его, Исидор Мошнин, имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого, именитого купца. За десять лет до своей смерти он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и, когда нижняя церковь с престолом во имя преподобного Сергия была готова в 1762 году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, скончался. Передав все состояние свое доброй и умной жене

Агафии, он поручил ей довести дело построения храма до конца.

Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца: она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам. Агафия Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778 году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году, 19 июля, и наречен Прохором. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего, это видели все духовно развитые люди и тем более не могла не почувствовать его благочестивая мать. Так однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафия Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и по неосторожности упал на землю. Испуганная мать в ужасе сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти, но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрою памятью и одновременно кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотою, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был

дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафия вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение: изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке; но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не упускал почти ни одного дня без того,

чтобы не посетить храм Божий, и за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни, по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрени и ранней обедне. В то время в Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний в свою очередь возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни.

Умная мать его все примечала и душевно радовалась, что ее сын так близок ко Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно вызнал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удержать в мире; от этого в его сердце еще сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и еще двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

ЮНОСТЬ ПРЕП. СЕРАФИМА И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ НА БОГОМОЛЬЕ В КИЕВ

Наконец, намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу.

Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и испросил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовал о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды киево-печерских иноков, испросить наставления и советов от старцев,

познать чрез них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у святых мощей преподобных Антония и Феодосия, первоначальников иночества.

Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек - курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. Лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл пред ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!» В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём: с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких

благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!»

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговев, исповедавшись и причастившись Святых Таин, поклонившись еще раз святым угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о святых местах и послушать чтение. Это время было его прощанием с родиной и родными.

ПРИБЫТИЕ ПРЕП. СЕРАФИМА В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ. ВОСЬМИЛЕТНИЙ ИСКУС.

Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всеобщем бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь указал ему здесь место для спасения души.

О. Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старцу и с

точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию; в келлии он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать кроме келейного еще послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще, юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великою ревностью, но, конечно, не избежал многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно.

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно ранее на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой. Прохор любил уединяться в своей келлии, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а святое Евангелие и послания Апостолов всегда стоя пред святыми иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения святых отцов, например «Шестоднев» святого Василия Великого, беседы святого Макария Великого, «Лествицу» преп. Иоанна, «Добротолюбие» и прочее. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, он отличался большим усердием, искусством и

успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором-столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавлять лес, готовить дрова и т.п.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству, а потому испросил благословения у своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал правило, «еже даде Ангел Господень Великому Пахомию», учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по «Отче наш»: Господи, помилуй (12 раз). Слава, и ныне. Приидите, поклонимся (трижды). Псалом 50-й: «Помилуй мя, Боже». «Верую». Сто молитв: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», и по сем: «Достойно есть» и отпуст.

Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов: двенадцать днем и двенадцать ночью. С молитвою он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это водянка. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Иосиф попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником.

Наконец, стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, Истинному Врачу душ и телес Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством - причащением Святых Таин». Старец Иосиф по просьбе Прохора и собственному усердию особо отслужил о здравии больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым: после причащения Святых Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария в несказанном свете с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «Этот Нашего рода!»

«Правую-то ручку, радость моя, - говорил о. Серафим церковнице Ксении, - положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка; вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» - «И батюшка, бывало, сам возьмет, да и вложит мою руку в яму, - прибавляла матушка Ксения, - и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

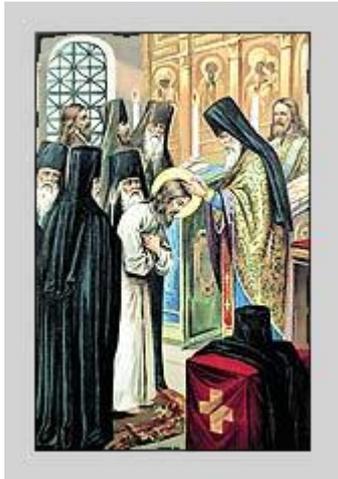
В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте келлии, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых, и при больнице - церковь о двух этажах с престолами: в нижнем - во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем - во славу Преображения Спасителя. Прохор после болезни, молодой еще послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за свое исцеление и попечение начальства, он с охотою понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей со своей стороны оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор

как искусный столяр построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился: будучи высокого роста, около 2 аршин и 8 вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятною белизною лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные; густые брови и светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густой, окладистой бородой, с которой на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он имел мужественное сложение, обладал большими физическими силами, увлекательным даром слова и счастливой памятью. Теперь он прошел уже все степени монастырского искусства и был способен и готов принять монашеские обеты.

ПРЕП. СЕРАФИМ - МОНАХ, ИЕРОДИАКОН, ИЕРОМОНАХ

13 августа 1786 года с соизволения Св. Синода о. Пахомий постриг послушника Прохора в монахи. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исая. При посвящении ему было дано имя Серафим (пламенный). 27 октября 1786 года монах Серафим по ходатайству о. Пахомия был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, по истине уже ангельскому, служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев почти непрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек, подобно ангелам, не может непрерывно служить Богу.

Строитель о. Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения, один или с другими старцами, то часто брал с собою о. Серафима. Так, в 1789 году, в первой половине июня месяца, о. Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом о. Серафимом отправились по приглашению в село Леметь, находящееся в шести верстах от нынешнего города Ардатова Нижегородской губернии на похороны богатого благодетеля своего, помещика Александра Соловцева, и заехали по дороге в Дивеево навестить настоятельницу общины Агафию Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою.

Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее. О. Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над нею таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. По свидетельству жившей с нею девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику, протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафия Семеновна передала строителю о. Пахомию мешочек золота, мешочек серебра и два мешка

меди, суммою в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попещись в свое время об обители, обетованной ей Царицей Небесной. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благоденствия твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и братья за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим - духовность его тебе известна, и он молод - доживет до этого; ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставит его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день св. мученицы Акилины. О. Пахомий с братией на обратном пути как раз поспел к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим, по своему целомудрию, не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Однажды, в Великий Четверг, строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную Литургию в 2 часа пополудни вечернею, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!», но едва он, обратясь к народу, навел на предстоящих орачем, возглашая: «И во веки веков», как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слово. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он часа три, меняясь беспрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение: «Только что провозгласил я, убогий: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» и, наведя орачем на народ, окончил: «И во веки веков!», вдруг меня озарил луч как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа в образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного Небесными Силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув Пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; по сем, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону от Царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братьев и заслуживает преимущества пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель по новому расписанию перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2 сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с вящею ревностию и удвоенною любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячею любовью, верою и благоговением.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыне, так как пустынножизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах с небольшим

отдыхом во время ночи о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги, и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустынножизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные келлии, а не в пустыню, т. е. он перешел от меньших трудов к большим и тяжчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти. О. Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

- О чем, отче святой, так печалишься ты? - спросил его о. Серафим.

- Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, - ответил старец Пахомий. - Кто их будет назирать после меня?

О. Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. О. Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового настоятеля о. Исаяи, также горячо им любимого, удалился в пустынную келлию (20 ноября 1794 года, в день прихода в Саровскую пустынь).

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО ПРЕП. СЕРАФИМА. «ДАЛЬНЯЯ ПУСТЫНЬКА».

Несмотря на удаление о. Серафима в пустыньку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины. Великий подвижник, начиная строгую пустынножизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом не угодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев. В преданиях, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова, о. Серафим пришел в монастырь к поздней обедне в храм Живоносного Источника и причастился Святых Христовых Таин. После обеда в своей монастырской

келлии он вернулся на ночь в пустыню. На следующий день, 26 декабря, празднуемый по положению в честь Собора Пресвятой Богородицы, о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где дорога спускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонскою, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было. О. Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное по молитве его знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы - вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый,

которым благословила его родная мать, отпуская из дома, а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. По подражанию древним святым о. Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты: одни спереди в 20 фунтов, другие сзади в 8 фунтов каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил.

Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т. д. В холодную пору он топил келлию, колот и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удобрял землю, собирая мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав лишь чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов.

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собою по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить ничем обители и по примеру великого подвижника апостола Павла питаться, «делаяще своими руками» (1 Кор. 4, 12). Впоследствии он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба насущного, а по благословию настоятеля Исаии питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Святых Таин в субботу. Еще чрез несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем перестав брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух с половиною лет. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться о. Серафим во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей.

По будням спасаясь в пустыне, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, выстаивал вечерню, всенощное бдение и за ранней литургией в больничной церкви святых Зосимы и Савватия причащался Святых Христовых Таин. Затем до вечерни он принимал в монастырской келлии приходивших к нему по нуждам духовным из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляла его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедовался и причащался Святых Таин. Духовником его с давнего времени был строитель старец Исаия.

Так проводил о. Серафим дни свои в пустыне. Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. О. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом в пустыне и были приняты им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустынного жития, ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться в качестве ученика подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они в строгом смысле учениками не были, и название «Серафимов ученик» в то время не существовало. «В пребывание его в пустыне, - говорили тогдашние саровские старцы, - вся братия была его учениками».

Также многие из саровской братии временно приходили к нему в пустыню. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустроению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшиеся в пустыне. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний однажды. О. Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах.

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости он сперва наводил на подвижника разные страхования, начиная с легчайших. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами келлии вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь келлии, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из келлии. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему видимо вдруг представлялось, что келлия его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он по Божию попущению поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что, если бы не Ангел-Хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самих злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца аввою, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. О. Серафима предназначили было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Строителю Исаии и братии саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырском монастыре, и брат единственно из повиновения принял на себя это звание.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны - он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил.

НАПАДЕНИЕ РАЗБОЙНИКОВ

Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетых по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. О. Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды

обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он, вспомнив при сем слова Спасителя: «Все бо приемшии нож ножом погибнут» (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал, кротко сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно, Господа ради.

Тогда один из крестьян, подняв с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеним келлии, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку... А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сених, сами бросились в келлию, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали - и ничего для себя не нашли, видели у него только святую икону, да попалось несколько картофелин. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя избили благочестивого человека; какой-то страх напал на

них, и они в ужасе убежали.

Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и проведя ночь в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежда, измятая, окровавленная, засохла и по местам пристала к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулась и спрашивала: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни.

БОЛЕЗНЬ И ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель старец Исаия на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовав старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинному методу лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но по настоятельному убеждению консилиума врачей решился предложить о. Серафиму.

Консилиум опять собрался в келлии о. Серафима. Он состоял из трех врачей, с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь

необходимо подать как можно скорее. О. Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!»

В эту минуту о. Серафим уснул; сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали святые апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь Пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: «Сей от рода Нашего», - и кончилось видение, о котором присутствующие не подозревали.

Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной после стольких забот о нем при отчаянном состоянии здоровья своего к удивлению всех отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келлии и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямоу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкою. Так, эта согбенность, это «уязвление в пяту» служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынножизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии и сам, искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая святым мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келлию.

С новым поселением старца в пустыне диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своем. «В противном случае, - говорил старец, - я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же о. Исаие, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. О. Серафим предоставил отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима со слезами раскаяния прощения и святых его молитв.

ОТКАЗ ОТ ПОСТА НАСТОЯТЕЛЯ

Старец о. Исаия очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами; поэтому он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году о. Исаия по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и по собственному прошению уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители, по общему желанию братии, пал на о. Серафима. Вот уже второй раз старец избирался на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз по своему смирению и из крайней любви к пустыне он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея.

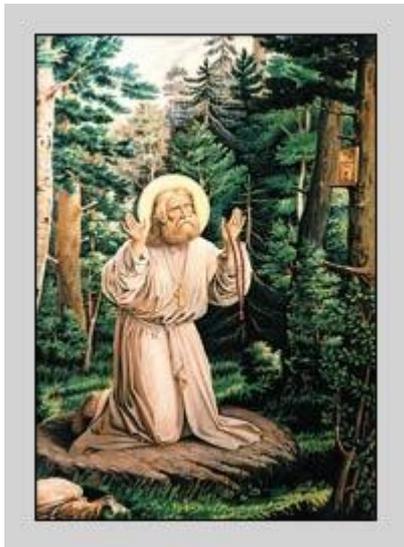
МОЛЧАЛЬНИЧЕСТВО

Старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустыньке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно молчальничество.

К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням.

Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустыньку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредет он во время вьюги по снегу, утопая в нем по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Войдя в сени, он произносил молитву, а старец, сказав про себя «аминь», отворял дверь из келлии в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу, на землю; сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись по обычаю и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны, о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знак, чего принести ему в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова.

Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу.

Молчаливость о. Серафим соединил еще со стоянием на камне. В глухом лесу, на половине пути от келлии к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге святых столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: «Боже, милостив буди ми грешному». Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келлии имел камень. На нем он молился во время дня с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес по времени в течение тысячи суток. От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно

изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях.

Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился черновой отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии тысячу дней и ночей на камне никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни он в назидание слушателям рассказал и о сем подвиге некоторым из братии.

Отец Серафим со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыне своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Святых Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Святых Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался.

Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, если здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Святых Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келлию. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим.

Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принеся пищу на будущую неделю, брат повторил предложение. Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной, 8 мая 1810 года.

Вступив в монастырские врата после 15-летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою келлию, отправился прямо в больницу. Это было днем, до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Братия удивилась, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решил жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства: на другой день, 9 мая, в день святителя и чудотворца Николая, о. Серафим пришел по обычаю в больничную церковь к ранней литургии и причастился Святых Христовых Таин. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келлию строителя Нифонта и, приняв от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келлии; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый труднейший подвиг затворничества.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келлии он не хотел иметь для отсечения своеволия ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и обрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Святых Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчаливосты Пренебесные Тайны по благословию строителя Нифонта приносили ему из больничной церкви в келлию после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собою, о. Серафим изготовил себе гроб из цельного дуба и поставил его в сенях затворнической келлии. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. О. Серафим в беседах с саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта, всякий мог прийти к нему видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келлию, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, приняв на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

ВСТУПЛЕНИЕ ПРЕП. СЕРАФИМА НА ПУТЬ СТАРЧЕСТВА

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставив себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келлия его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели; обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келлия растворялась для всей братии монастыря во всякое время, для сторонних - после ранней обедни до 8 часов вечера.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Святых Таин, следовательно, по воскресным и праздничным

дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их склонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душею и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов.

По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от святой иконы и, если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши великой агиасмы, святой Богоявленской воды, благословлял частицею антидора либо святого хлеба, освящаемого на всеобщем богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «Христос воскрес!» - и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред святой иконою Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». «В этом да будет, - говорил он, - все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоем. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Святой Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие - по недосугу. О. Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню: «Отче наш» - трижды, в честь Пресвятой Троицы; потом песнь Богородице: «Богородице Дево, радуйся» - также трижды и, наконец, Символ веры: «Верую во Единого Бога...» - единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» (или «грешную»); а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: «Господи, помилуй» - и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышешоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», и это пусть продолжается до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного» (или «грешную»).

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает выше показанное утреннее правило, т.е. трижды «Отче наш», трижды «Богородице» и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знаменем».

Однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкою в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь!» О. Серафим, ласково взяв его за голову и

приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в такое-то (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома: там ты увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостию побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, в родовом своем имени, селе Нуча, жили сироты, брат с сестрою, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии* в военной службе и женился там на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением ко Господу и Его Святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающий характер, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решил ехать по совету близких и знакомых в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени келлии старца-затворника. Когда Михаил Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка Серафим вышел и милостиво спросил его: «Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?» Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческою любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И получив также трижды в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь».

Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоявшего в сенях, а сам удалился в келлию, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись потереть их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» О. Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из келлии большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии войти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг, по слову святого старца, нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: «Ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа...» И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?» Тогда о.

Серафим, взглянув на него особенным образом, весело ответил: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!»

Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь».

Горячий, впечатлительный, любящий и готовый по чистоте своей души исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся - и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались как друзья и в будущем самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицею Небесною Себе в земной жребий.

По благословию батюшки Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в селе Дивееве 15 десятин земли на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою, и стал жить в бедности. Он претерпевал множество насмешек от прежних знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам молодой женщины, не привыкшей к бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя в общем хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Не удивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

О. Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келлию в течение 15 лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора.

25 ноября 1825 года, в день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл «огненный столп от земли до неба» и «терпуг духовный». Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но однако она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения; но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону.

Батюшка Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» - говорил о. Серафим. Но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицей матерью Александрой более не лежит на его совести, или же, что не пришел тому еще час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки и только по дару предвидения посылал избранных Божией Матерью сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь, поблизости матушки-то полковницы Агафии Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне, - она всему тебя научит!»

ОБ ОСНОВАНИИ МЕЛЬНИЧНОЙ ОБИТЕЛИ

В записках Н. А. Мотовилова об основании Мельничной обители о. Серафима говорится: «Когда 1825 года, 25 ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим постоянно говаривал, пробираясь по обычаю сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустыньке, увидел он ниже того места, где был некогда Богословский колодезь, и почти близ берега реки Саровки Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Ее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и апостола евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив в землю жезлом так, что испикел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии - монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее, ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве, и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер». И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиною Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом; и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келлии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти Казанской церкви на месте явления Своего дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый и нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за непременно правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он, и потом навсегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение; и обещалась Сама быть всегдашнею Игуменею сей обители Своей, изливая на нее все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы ног Ее и где от

ударения жезлом ископел из земли источник и принял целебность, на память будущих родов отметить выкопанием тут колодца, и обещала дать водам оногo большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

На месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 года был устроен колодезь, отличающийся чудотворною силою, и ниже, вблизи его, существует прежний Богословский колодезь. Летом 1826 года по желанию старца Богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами.

«БЛИЖНЯЯ ПУСТЫНЬКА» ПРЕП. СЕРАФИМА

Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удобрял их мохом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место, потому что по болезни не мог ходить в прежнюю свою келлию за шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему после утренних трудов на ногах посещать для отдохновения в полуденное время келлию о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты.

Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб вышиною в три аршина, длиною в три и шириною в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не

было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыт был земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке, около родника, ему поставили новую келлию с дверями, но без окон; внутри ее была печь, совне сколочены сенцы из досок. В течение 1825-1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келлию, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыне; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом, ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и святое Евангелие. Некоторые спрашивали: для чего он это делает? Он отвечал словами святого Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем ближней пустыни о. Серафима, а родник стали называть колодцем о. Серафима.

Со времени построения новой келлии, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима разделились между обителью и ближней пустынькой. В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за ранней литургией; в будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жаждая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келлию. Старец почти не имел покоя ни в пустыне, ни на дороге, ни в монастыре.

Умилительно было видеть, как старец после причастия Святых Таин возвращался из церкви в свою келлию. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к Таинству.

Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя; взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям Таинством Святого Причащения. И, благоговевая к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Придя в свою келлию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

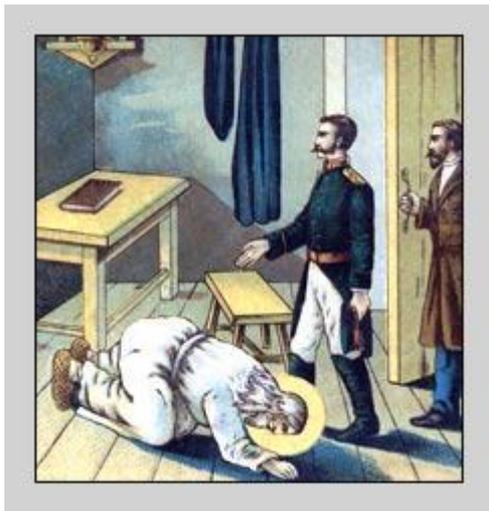

Не менее умирительно было видеть этого смиренного седовласого, сгорбленного старца, подпиравшегося мотыгой или топором, в пустыне за рубкою дров, возделыванием гряд, в убогой камиллавке, в белом балахоне, с известною уже нам сумой за плечами.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему; невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные

действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божиим, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях святых отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась их совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже не у посвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осененного благодатию, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца.

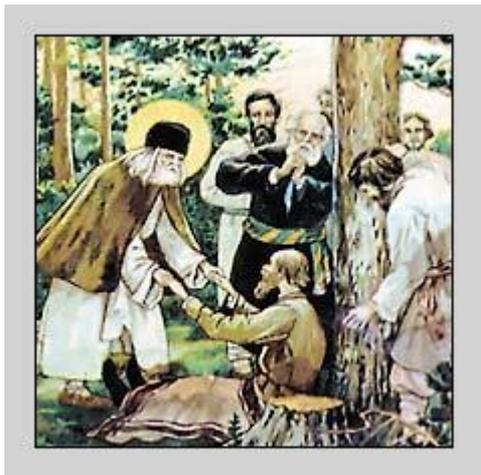

Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келлии около двух тысяч человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. И так, пообсмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с

монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, и генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келлию, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келлии, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из келлии старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с нелюбящими его он был мирен, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу» (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. «Мы, - говорил он, - должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: «О сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех» (Лк. 10, 20)».

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена дворового человека Варфоломея Тимофеевича Лебедева, Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Елизарьева. В то время этой женщине было 22 года и она имела двух детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала

скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и наконец уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с нею ежедневно, хотя и не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу, на чугунные заводы. «В Выксе же, - по описанию мужа больной, - доктор был иностранец с большою привилегиею». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксинский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и наконец дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех, и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон: явилась к ней незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страдешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву святому Кресту: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Явившаяся отвечала ей: «Не убойся меня, я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши в Саровскую обитель к о. Серафиму; он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия».

На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: непрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келлии, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келлию. Там он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную святой Богоявленской водой, дал ей частицу святого антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со святой водою да еще сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте сколько можешь поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, помолись Богу и скажи: отче Серафиме! Помяни меня на молитве и помолись обо мне, грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно с великим шумом, она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четырех сынов и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим

послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

9 декабря 1826 года в Дивеевской общине по приказанию о. Серафима состоялась закладка мельницы, а летом, 7 июля 1827 года, она замолола.

В этом же 1827 году отец Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказами и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится: ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафия Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Ее Единородного - сиротам моим!» У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать все свое достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создавалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищеты.

Насколько часто сестры Дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы. Вновь поступающих он заставлял приходиться еще чаще других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828-29 годов он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти 50 верст и еще провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: «Не успею так, батюшка!» - «Что ты, что ты, матушка, - ответил о. Серафим, - ведь день теперь продолжается 10 часов».- «Хорошо, батюшка», - сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келлию к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил ее, назвав: «Радость моя!» Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святой водой и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивееве она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал ее, говоря: «Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею». Посадил Прасковью и поставил перед нею большое блюдо пареной капусты с соком. «Это все твое»,- сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который ее несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготавливал такую необыкновенную пищу.

Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова, и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: «Поди-ка, матушка, в пустыньку, там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил черствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать - так засох хлеб! - и подумала: вот, какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: «Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте».

В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение: начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке. Вдруг он присылает за ней. Она входит, смущенная и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, ниже мыслию, не выходил из монастыря». Повторяя еще несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил ее, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своем повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом».

В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустыньке, к нему подошли курские купцы, заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: «Что прикажете сказать вашему братцу?» О. Серафим ответил: «Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь». Они отошли, а батюшка, воздев руки, с восторгом несколько раз повторил: «Нет лучше монашеского житья, нет лучше!»

Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым лицом и в новом белом балахончике. Еще издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принес!» - и подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, это райская пища!» В то время года еще не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в Мельничной обители о. Серафима, Прасковья Степановна, свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сестрам и между прочим рассказала, как страшно было послушаться его. Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марией Семеновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела, начала околевать. Сознывая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени, тут же в слезах заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее.

Батюшка Серафим постоянно исцелял своих сирот от различных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична страдала зубною болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днем работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семеновне; она послала Ксению к батюшке. «Как только он меня увидел, - рассказывала Ксения, - то и говорит: «Что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла! Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит». А я подумала: что это? Разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго сжал мне лицо руками и несколько раз провел по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло».

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала, что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног, и ее привезли к батюшке Серафиму, который, увидев ее, стал манить к себе. Ее с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел грести сено. Тут почувствовала она, что с нее что-то спало, и она начала грести, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она, такая больная, пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите ее к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил ее обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровою.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении ее отцом Серафимом. «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, - говорила она. - В первый-то я словно порченная была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть; сильно дунул на меня, завязал платочком мне все лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святые молитвы, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: «Радость моя! Ты будешь забвенная у всех». И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одежды, а она скажет: «Ты бы вовремя приходила; ступай на поклоны». Всем дает, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна чего-то на меня оскорбилась и говорит: «Ах ты, забвенная!» А я вспомнила это слово батюшки, да как закричу, заплачу! Так и сбылось слово батюшки: всю жизнь я была у всех «забвенная».

Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, все в чем-то убеждал, но, видно, она не послушалась. Он вышел и говорит: «Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей». Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел мне; потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал его бить палкою, а мы смеемся, так и катаемся со смеху! Батюшка взглянет на нас да еще пуще его бьет, а мы - знать ничего не понимаем. Потом завязал батюшка да и повесил на шею Акулине и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивееве. Я, как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: «Ах ты, самовольница! Как без благословения столько жила!» Я прошу прощения, говорю: «Батюшка нас задержал», - и подаю ей сухари, что принесла. Она отвечает: «Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению». Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня выслала. Я все плакала да и пошла к батюшке Серафиму, все ему рассказала; сама плачу, стою перед ним на коленях, а он смеется да так ручками сшибается. Стал молиться да приказал мне идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она по его благословию и оставила меня у себя... Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустыньку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: «Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!» Такой он терпеливец».

Великая старица высокой жизни Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим: «То всем уж известно, как не любили саровцы за нас батюшку Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему терпения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся, и часто сам зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческою заботою, спрашивая: есть ли все, не надо ли чего? Со мною, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылавал больше меду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне по обыкновению большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял, индо крякнул, и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во Святые ворота, никого не бойся!» Что это, думаю, батюшка-то всегда бывало сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение, да на скорбь-то Святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что все дает де нам, посылает, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву; солдаты-то, двое, сейчас тут же меня за шиворот и арестовали. «Иди, - говорят, - к игумену!» Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. «Иди», - говорят, да и только! Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас - еще пуще. Приказал он мне так сурово развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все... а там - старые лапти, корочки сломанные, отрубки, да камни разные и все-то крепко упихано. «Ах, Серафим, Серафим! - воскликнул Нифонт. - Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается да и Дивеевских-то мучает!» - и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку дает же. «Ступай, - говорит, - прямо к Святым воротам!» Пошла, остановили же меня и опять взяли да повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал-ахал, да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: «Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!» И воистину, бывало идешь, и в святых воротах только спросят: «Чего несешь?» - «Не знаю, кормилец, - ответишь им. - Батюшка послал». Тут же пропустят».

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось в знак Божия определения. Действительно, наутро это дерево оказалось

выворочено с громадным корнем при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из двенадцати первых сестер обители, рассказывает следующее: «Была я тоже свидетельницей великого чуда с покойною сестрою обители, Ксению Ильиничною Потехиной, впоследствии недолго бывшею начальницею нашей мельничной общинки, позже благочинною монастыря нашего, монахиною Клавдиею. Приходит к батюшке Серафиму живописец Тамбовский, саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется он о нас; что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. «Помолимся, - говорит батюшка Серафим. - Мню, что дереву этому более ста лет. (При этом он указал на дерево громадных размеров.) Простоит оно еще много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной - преклонится древо сие в их сторону...», - и указал на нас. «Так и знай, - продолжал о. Серафим, - что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдет!» Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурю, какую вывороченное со всеми своими корнями. И приказал батюшка радостный, весь сияющий, рубить дерево и отвезти к нам в Дивеево». (Корень его хранился в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима.)

Настоятель Николо-Барковской пустыни игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует, что, придя однажды к старцу о. Серафиму в пустыньку, нашел его за тем, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: «Вот, я занимаюсь Дивеевскою общиною; вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот, я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то в уверение того - чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве от корня аршина полторы вышины была заметка вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения; вместе с тем, что если вы или кто о них попечется, то будет ли угодно это Богу? Господь исполнил для вашего уверения; вот, дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев строителя Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей; они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафия; она пришла сюда, и с нею три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала место спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвование деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от нее три мешка денег: один был с золотыми, другой - с серебряными, а третий - с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружен ее усердием, - вот, за что обещались о них вечно пелись и мне заповедали. Вот, и я вас прошу: имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафия. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали белье, а им из обители давали на содержание всю пищу; как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители; по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться».

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его одобряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: «Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника Успения Божией Матери, пошел я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келлии без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: «Есть ли у тебя, батюшка, платочек?» Я ответил, что есть. «Дай его мне!» - сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посуды пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что сроду я таких не видывал. «Вот, и у меня, батюшка, была Царица, так вот, после гостей-то и осталось!» - изволил сказать батюшка. Личико его до того делалось

божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклапал полный платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал: «Ну, гряди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружку (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам, каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые и близ обители живут в келлиях, - они все наши будут!» Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: «Небесная Царица, батюшка. Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во! Радость-то нам какая, батюшка! Мать-то Божия неизъяснимою благодатию покрыла убогого Серафима. «Любимиче Мой! - рекла Преподобная Владычица, Пречистая Дева. - Проси от Меня чего хочешь!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!» И угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. «А убогий-то Серафим, - продолжал батюшка, - Серафим-то убогий и умолил Мать-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все-все в Серафимовой-то пустыне спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Мать Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибли, пекла Мать Божия! - при этом светлый лик старца затуманился. - Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья...» (сколько ни старался я вспомнить, никак не могу; видно, уж так надо)».

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима, в 1831 году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий: «Вот, матушка, - сказал мне батюшка Серафим, - во обитель-то мою до тысячи человек соберется, и все, матушка, все спасутся; я упросил, убогий, Мать Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима; и, кроме трех, всех обещала Милосердная Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка, - продолжал, немного помолчав, батюшка, - там-то в будущем все разделятся на три разряда: сочетанные, которые чистотою своею, непрестанною молитвою и делами своими чрез то и всем существом своим сочетаны Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! Избранные, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И званные, которые лишь временно будут ваш хлеб только кушать, которым темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами; куда как мрачно и тяжело будет им! Будут сидеть, все качаясь из стороны в сторону на одном месте!» И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. «Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! - продолжал батюшка. - Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты так сказывай всем!» Затем, благословив, отпустил меня».

ЯВЛЕНИЕ ПРЕП. СЕРАФИМУ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ

За год и девять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром, в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!» - «Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим?» - отвечаю я. Но батюшка приказал: «Повторяй, матушка, несколько раз сряду: «Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуиа!» Потом начал говорить: «И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобою ожидает!» Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна; а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: «Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Мать, чтоб видеть тебе эту радость!»

Давай молиться!» И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты Господу Иисусу, Божией Матери, святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны Ангелу-Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: «Не убойся, не утрашись, благодать Божия к нам является. Держись за меня крепко!»

И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: «О Препоблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородице!» И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли двенадцать дев, потом еще святые Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Мать Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: «Кто это у тебя лежит на земле?» Батюшка ответил: «Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!» Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку и батюшка за левую и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Нею, и спросить, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: «Кто вы?» Они отвечают: «Мы Ангелы Божии». Потом подошла к св. Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же св. Иоанн Богослов. Подошла к девам и их спросила каждую о имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала: пойду, упаду к ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит, что это явление продолжалось четыре часа.

Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: «Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих», но батюшка отвечал мне: «Я, убогий, просил о вас Божию Мать, и не только о вас, но о всех любящих меня, и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставляю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сем веке и в будущем; и кто в моей пустыне жить будет, всех не оставляю, и роды ваши не оставлены будут. Вот, какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!» Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: «Вот как молитесь: Господи, сподоби мне умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на Страшном Суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!» После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословивши меня, сказал: «Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!»

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны встречаются еще большие подробности. Так, она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа - один в правой, а другой в левой руке - по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными, на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета - сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шею большую круглую пряжку (застежку), убранную крестами, разнообразно изукрашенными, но чем - не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, - зеленое, перепоясанное высоко поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев; на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку (застежку), и на самое лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами; они стали кругом всех нас. Царица

Небесная была в середине. Келлия батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, не похожий на дневной свет, и светлее солнечного...

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, мы пришли посетить вас». Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицею, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я батюшку Серафима: «Где мы?» Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: «Кто это?», то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их... Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания и за поношения; и ты пострадаешь!»

Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что слышала хорошо: «Не оставь дев Моих Дивеевских!» Отец Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управлять!» На это Царица Небесная ответила: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!» Потом, обратясь ко мне, сказала: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа. И за то, видишь, какой славы и почести сподобились! Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние - тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами!» - и благословила его. Простились с ним и все святые; девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о Серафима, Марка, Назария и Пахомия». Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне, таким образом, уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра. Господь тебе во всем поможет!»

Батюшка Серафим, как сказано, принимал множество посетителей. Он поучал мирян, обличал в них ложные направления ума и жизни. Так, один священник привел с собою к о. Серафиму профессора, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желанья вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседою со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник, между тем, во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает православную веру, сам - профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот, какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

Однажды пришли к нему четыре старообрядца спросить о двуперстном сложении. Только что они переступили за порог келлии, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот

христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от святых апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в Церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило. Она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее - учителя Церкви, архипастыри суть преемники апостольские. А ваша часовня подобно маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?» - «Оставь свои бредни, - отвечал о. Серафим. - Жизнь наша есть море, Святая Православная Церковь наша - корабль, а Кормчий - Сам Спаситель. Если с Таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду - спастись без Кормчего?»

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келлии о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, колени сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. О. Серафим запер дверь и спросил ее: «Откуда ты, матушка?» - «Из Владимирской губернии».- «Давно ли ты больна?» - «Три года с половиною».- «Какая же причина твоей болезни?» - «Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере, и все была здорова. Наконец, они меня уговорили: я переменяла крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли во двор и нашли - я лежала. Они меня внесли в комнату. С тех пор я хвораю».- «Понимаю... - отвечал старец. - А веруешь ли ты опять в Святую Православную Церковь?» - «Верую теперь опять, батюшка»,- отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по-православному персты, положил на себе крест и сказал: «Перекрестись вот так, во имя Святой Троицы».- «Батюшка, рада бы, - отвечала больная, - да руками не владею».

О. Серафим взял из лампадки у иконы Божией Матери «Умиление» елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю и, особенно, в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из дивеевских сестер. О. Серафим сказал ей: «Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее: «Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?» - «Таких нет, батюшка, - отвечала сестра, - а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все».- «Попроси их от моего имени, - сказал о. Серафим,- чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы».- «Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают».- «Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит; он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?» - «К прискорбью, у нас в роду все так молились».- «Хоть и добродетельные были люди, - заметил о. Серафим, пораздумав, - а будут связаны: Святая Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?»

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены. «Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности». Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой

Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима, ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны святой Христовой веры.

Однажды о. Серафим в неизобразимой радости сказал доверенному иноку: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: «В дому Отца Моего обители мнози суть» (т.е. для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости; Он исполнил мое желание и прошение; вот, я и был восхищен в эти небесные обители, только не знаю, с телом или кроме тела, - Бог весть; это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно». И с этими словами о. Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил. «Ах, если бы ты знал, - сказал старец иноку, - какая радость, какая сладость ожидают праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша, - при этом он показал на свою келлию, - была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой апостол Павел (2 Кор. 12, 2-4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных?!»

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которое человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келлию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся, живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, - отвечал о. Серафим. - Мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы, действительно, встретили ее в гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница по неисповедимым судьбам Промысла вступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменью в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословения и попросить у него советов. Благородная сверх того просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима». Девица же

из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем он сам от себя благословил ее по своей прозорливости поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседой старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная, действительно, пошла в монастырь, который назвал прозорливый старец.

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она в среде множества народа пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его келлии, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, остановив всех, вдруг говорит ей: «Евдокия, поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не выдав ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. О. Серафим благословил ее, дал святого антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать сына дома». Евдокия поспешила и, в самом деле, едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской Академии и по причине дальности расстояния Киева от Пензы спешило скорее отправить его на место. Этот сын по окончании курса в Киевской Академии пошел в монашество под именем Иринарх, был наставником в семинариях; в настоящее время состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима. Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за Православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорит это о Крымской кампании.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлова. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его как своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то, что приехал туда в полночь, поспешил к келлии о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крыльце келлии и, увидав, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. О. Серафим тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день, вечером, и одевался в подрясник из черного толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимою носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весной носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жары надевал полумантию, сделанную из цельной кожи, с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимою в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные кофты. На голове носил зимою и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию

Святых Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келлии богомольцев.

Один богатый человек, посетив о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» О. Серафим ответствовал: «Иоасаф царевич данную ему пустынною Варлаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четьи-Минеи, ноября 19 дня).

Против сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келлии. Спал же он сидя на полу, спиной прислонившись к стене и протянув ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келлии. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

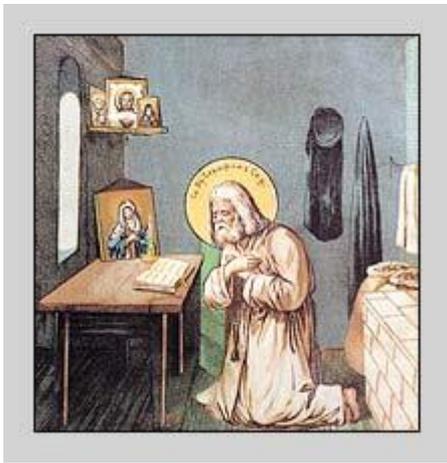
Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность ко Господу и Божией Матери были столь велики, что, когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывший у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкою сказал: «Вот мои Родные, а для живых родных я уже живой мертвец».

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностию и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего при чтении Псалтири на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы.

За живых: «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй».

За усопших: «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотец, отец и братий наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоя безконечная и блаженная жизни и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келлии пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я,- рассказывал Николай Александрович, - видел у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келлии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне: «Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампы; и, где следует на правиле помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила» (т.е. лампы). А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова

Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в ночи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот, ваше боголюбие, почему Святая Церковь Божия прияла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила или лампы пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших.

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу

Православной Церкви. Раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство: «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благодати, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е.С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее Г. Я. Она, не медля долго, привезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. О. Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской келлии, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келлию и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться; только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинаясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. О. Серафим, по совершении молитвы подойдя к нему, сказал: «Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим - святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г. Я. действительно встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из келлии. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через некоторое время воротился в имение княгини Ш. Тут он узнал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатию Божиею был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ ПРЕП. СЕРАФИМА. ЕГО БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72 лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келлию. В монастыре он также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что

теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло многих немалое время проживать на монастырской гостинице, чтобы изыскать не обременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Кроме предсказаний другим, старец начал также предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сестрами. Старец начал говорить им: «Я силами слабею, живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц, они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали по поводу этой беседы не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыне. Благословив ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О. Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе", взоры к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость, какой восторг, - говорил он, - объемлет душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают ангелы и представляют пред Лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру: понимает ли она его? Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю, живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на ее мысли ответил: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост, поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседою его. «Тогда двери мои затворятся, - отвечал на это старец. - Вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает; только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, - говорил он некоторым из братии. - Духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

1 января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился по обычаю Святых Христовых Таин. По окончании же литургии он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обойдя кругом святого Престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами, путем рождения, входит в мир сей, а другими, т.е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с нею Параскеве Ивановне 200 руб., поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сестры находились в большой нужде.

Старец Серафим имел обыкновение при выходе из монастыря в пустынь оставлять в своей келлии горящими зажженные с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда выговаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар, но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келлии пасхальные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей келлии к ранней литургии, почувствовал в сенях близ келлии о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучал в дверь о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком, и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел в пустыню». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келлии о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал ее с внутреннего крючка. Многие христиане по усердию приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи вместе с книгами лежали на этот раз на скамье в беспорядке близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келлии о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у келлии. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия между тем безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели «Достойно есть...» В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешила к келлии о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его келлии и нашли его самого, стоящего на коленях в молитве со сложенными крестообразно руками. Он был мертв.

После обедни о. Серафима положили в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением преподобного Сергия, полученным из Троице-Сергиевой Лавры. Могилу блаженному старцу приготовили на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Все наперерыв теснились облобызать великого старца, единодушно оплакивая потерю его и молясь об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией так много было народа в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители Курской губернии подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2-го января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот, так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!»

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской Лавре, был послушником в Саровской пустыне и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда: когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было отцом игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. Впоследствии усердием нижегородского купца Я. Сырева над его могилой был воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором было написано: «Жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12 дней».

О ПРОСЛАВЛЕНИИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

(по Деянию Святейшего Синода от 29 января 1903 г.)

Своею высокою истинно христианскою подвижническою жизнью о. Серафим еще у современников своих стяжал общую к себе любовь и веру в действенную силу пред Богом его святых молитв, и после его блаженной кончины память о нем, утверждаемая все новыми и новыми знаменами милости Божией, являемыми по вере в его молитвенное предстательство пред Богом за притекающих к нему, широко распространилась в православном русском народе и с глубоким благоговением им чтилась.

Православный народ в глубине сердца признавал блаженного старца истинным угодником Божиим и веровал, что и по отшествии своем из сего мира он не оставляет своим предстательством пред Господом всех притекающих к нему. И Господь Бог, дивный и славный во святых Своих, благоволил явить молитвенным предстательством отца Серафима многие чудесные знамения и исцеления. Вполне разделяя веру народную в святость приснопамятного старца Серафима, Святейший Синод неоднократно признавал необходимым приступить к прославлению праведного старца.

В 1895 г. преосвященным Димитрием, еп. Тамбовским, было представлено в Св. Синод произведенное особою комиссиею расследование о чудесных знаменаниях и исцелениях, явленных по молитвам о. Серафима с верою просившим его помощи. Расследование это проводилось в 28 епархиях Европейской России и Сибири с 1892 по 1894 год. Было обследовано 94 случая благодатной помощи по молитвам старца Серафима, причем большая часть их была удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями. Но всего число случаев благодатной помощи по молитвам старца было несравнимо больше: в архиве Саровской обители, по свидетельству названной комиссии, сохранялись сотни писем от разных лиц с заявлениями о полученных ими благодеяниях чрез молитвенное обращение к старцу Серафиму. Св. Синод чрез преосвященного Тамбовского предписал настоятелю Саровской пустыни собрать и записать сведения о наиболее замечательных случаях благодатной помощи по молитвам старца, не бывших доселе записанными, и на будущее время тщательно вести запись всех могущих быть новых чудесных знаменаний. Два раза настоятелем представлялись в Синод собрания копий письменных заявлений разных лиц о чудесных знаменаниях и исцелениях.

Наконец, 19 июля 1902 г., в день рождения старца Серафима, император выразил желание, чтобы начатое уже в Св. Синоде дело о прославлении благоговейного старца доведено было до конца. Вместе с тем Синод, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятного старца Серафима были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству, поручил преосвященному Владимиру, митрополиту Московскому произвести их освидетельствование, что и было совершено 11-го января того же года.

В итоге Святейший Синод представил императору для утверждения доклад, в котором изложил следующее свое решение:

- 1) благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, признать в лике святых, благодатию Божию прославленных, а всечестные останки его - святыми мощами и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою;
- 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, ... память же его праздновать как в день преставления его, 2 января, так и в день открытия святых его мощей (19 июля).

При докладе сем представлены были на Монаршее усмотрение подлинный акт освидетельствования всечестных останков отца Серафима и краткое описание случаев чудодейственной помощи его прибегавшим к его заступлению. 26 января на докладе Синода Государь собственноручно написал: «Прочел с чувством истинной радости и умиления».

29 января 1903 г. Св. Синод «постановил поручить преосвященному Антонию, митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, совместно с преосвященными Тамбовским и Нижегородским совершить в 19-й день июля текущего года торжественное открытие мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. Св. Синод возвещает о сем благочестивым сынам православной церкви, да купно с ним воздадут славу и благодарение Господу тако изволившему, да и примут сие явление нового заступника и чудотворца, яко новое небесное благословение на царствование Августейшего Монарха нашего, подъемлющего неусыпные труды ко благу православного народа русского и своею Царскою любовью и попечением объемлющего всех своих верноподданных всякаго звания и сословия».

НЕКОТОРЫЕ ДУХОВНЫЕ СОВЕТЫ И НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Как старец Серафим принимал посетителей

В 1815 году Господь по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей повелел ему не скрывать Своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение, и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: «Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего да простит ти, чадо (имя его), вся согрешения твоя; и аз, недостойный иеромонах Серафим, властью Его мне данною прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, т. е. имеющими степень священства аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно до принятия пищи, давал вкушать из чаши великой агиасмы, т. е. св. богоявленской воды, благословлял частицею антидора, либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: «Христос воскрес» и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконою Ее Успения или Живоносного Источника.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии не находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся Крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осолоненного благодатью, непременно производила свое действие... Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келлии около 2000 человек и более. Он не тяготился, и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно-родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

[1] С. 198-199

«Если они пришли ко мне, то, стало быть, нуждаются в моей молитве перед Господом, и поэтому я не могу отказать им в том, на что имеет право всякий человек, даже будь он закоренелый злодей. Господь простил и разбойника при его раскаянии о своих делах...»

...Как только мог переносить один человек все излияния скорбей и болезней душевных целой округи в несколько губерний? Присматриваясь к этому мысленно, действительно, приходится думать так, как говорили все паломники: «Ему Бог помогал в этом».

[2]

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру; на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с нелюбящими его он был мирен, обходился кротко и любовно.

[1] С. 200

«Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия, для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, в таких случаях делаются всегда ошибки.

Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю.

[1] С. 371

Видя, что о. Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его: «Что ты всех учишь?» На это достоблаженный Старец отвечал: «Я следую учению Церкви, которая поет: не скрывай словес Бога, но возвещай его чудеса» (Вторник Страстной седмицы, на вечерней стихире).

В другой раз ему послано было сказать: зачем он приходивших к нему помазывает елеем из лампы, горящей в келлии его пред иконой? О. Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в

Писании, что Апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелились. Кому же следовать нам, как не Апостолам?» И обычай его помазывать проходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

[1] С. 354-355

О пути спасения

К о. Серафиму стремились все на поклон и, главным образом, на совет, как жить и поступать людям в миру своем при сношении себя с окружающим обществом. О. Серафим на все вопросы своим паломникам давал категорические ответы: «Жить в мире и согласии со всеми людьми и пребывать в вере и уповании к Богу, Творцу нашему».

За советами к пустыннику шли тогда все: и простолюдин, и вельможа, и военный, и статский, - и все находили здесь удовлетворение своих вожделений. О. Серафим принимал всех без исключения. Для него не было разницы в людях. Он говорил, что «мы все равны пред Богом; одни люди стремятся к возвышению себя пред другими, точно в этом есть все блага нашей жизни, чтобы быть на высоте своего положения на земле, забывая притом высоту будущей жизни, которую нужно заслужить пред Богом добрыми делами на земле».

[2]

«Призовем имя Господа - и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах - мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит, помилует тя, изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою яко полудне (Пс. 36, 5-6), только повинись Господу и умоляй Его». К продолжению сего пути он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолюдинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы. «Кто будет продолжать так, говорил он, тот не лишится милости Божией. Молитва - путь ко Господу. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите (1 Сол. 5, 16). При таком блаженном и мирном состоянии души верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его - паче тьмы беззаконных».

[1] С. 397-398

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» - сказал о. Серафим иноку и тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а пред Ним вся слава мира сего как ничто; все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях, там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирать себя непрестанным бдением, молитвою и памятованием Господа.

< class="podpis"p>[1] С. 360-361

Николай Александрович Мотовилов рассказывал: «Отец Серафим мне сказал, что монастыри есть место для высшего духовного совершенствования, то есть для людей, которые желают исполнять заповедь: Если хочешь быть совершенным, оставь все и следуй за Мною. Но исполнение всех остальных сказанных Господом заповедей есть, однако, обязанность для всех христиан, так что, другими словами, прохождение духовной жизни обязательно и для монаха и для простого семейного христианина.

Разница в степени совершенствования, которое может быть и большим, и малым.

«И мы можем, - прибавлял отец Серафим, - проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святого Духа Божиего, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святой, хотя в мале и кратко, начинает посещать человека. До этого времени христианин (будь то монах, будь мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало».

«Хотя в Евангелии сказано, - говорил отец Серафим, - что нельзя Богу работать и мамоне и трудно имеющему богатство войти в Царство Небесное, но Господь открыл мне, что чрез грехопадение Адама человек помрачился всецело и сделался односторонним в духовном рассуждении, ибо в Евангелии также сказано: Что невозможно для человека, возможно для Бога; поэтому силен Бог вразумить человека, как без погибели душевной, находясь в условиях светской жизни, может человек служить духом Богу. Иго Мое благо и бремя Мое легко есть, а его часто заграждают такими тягостями (из излишней боязни служения мамоне), что, взявши ключи духовного разумения, выходит, и сами не входят, и другим входить препятствуют. Итак, по своем падении от крайнего греховного ослепления человек сделался односторонним».

«Многие святые, - говорил отец Серафим, - оставили нам свои писания, и в них все говорят об одном и том же: о приобретении Святого Духа Божиего «через различные подвиги, чрез делание различных добродетелей, но, главным образом, через непрестанную молитву. И воистину, нет ничего на свете драгоценнее Его. Чтение же из писаний служит для познания того, чего именно достигать следует. Вот часто Господь оставляет без исполнения прошения наши и даже лиц, именуемых духовными, а все оттого, что по плоти живут, а не по Духу. Живущие же по плоти Богу угодить не могут, говорит Апостол. Водимые же Духом суть сынове Божии! Сим последним не может отказать Господь в их прошениях.

[3] С. 84--86

«Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил. Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил».

[1] С. 399

«Кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Для сохранения мира душевного всячески должно избегать осуждения других. Чтобы избавиться от осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву».

[4] С. 33-34

«Вот что делай: укоряют - не укоряй; гонят - терпи; хулят - хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой - плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет».

«Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться, тогда Бог даст слезы раскаяния».

[1] С. 434-438

Цель жизни христианской

«Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, - учил Преподобный, - сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святаго Божия».

[4] С. 26-27

О молитве

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то Старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. «В этом да будет, - говорил он, - все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Святой Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святине, во всяком благочестии и чистоте».

[1] С. 151-152

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие - по недосугу. О. Серафим завещавал таким людям следующее молитвенное правило:

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню: Отче наш... трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: Богородице Дево, радуйся... - также трижды, и, наконец, Символ Веры: Верую во Единого Бога... - единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома, или на пути куда-нибудь, пусть читает тихо: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, или грешную; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: Господи помилуй, и продолжай до обеда.

Пред самым обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: Пресвятая Богородице, спаси мя грешного, и пусть это продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородице помилуй мя грешного, или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды Отче наш, трижды Богородице и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знаменем».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что держась его можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы - основание христианства: первая - как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв; вторая - принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы Христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то Старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, спасется (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило и, вдобавок, он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие душеполезные молитвословия и чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься вверх христианских добродетелей.

[1] С. 152-153

«Положи упование на Бога и проси Его помощи; да умей прощать ближним своим - и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

«Великое средство ко спасению - вера, особливо непрестанная сердечная молитва; пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: Моисее, Моисее, что вопиешь ко Мне? Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил говорит: Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока; молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную».

[1] С. 351

«Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Святаго, но... молитва более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять».

[4] С. 28

«В молитвах внимай себе, - советовал Подвижник, - то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и больше твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух: тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя...» Преподобный говорил, что, исполняя это правило со смирением, можно достигнуть христианского совершенства и в мирской жизни.

[4] С. 30-31

О церкви

Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями Православной веры Христовой, как-то: Клименту, папе Римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-Кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целостности и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной церкви - Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьих-Минеях, творения многих отцов Церкви так твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

[1] С. 197-198

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядства. Старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви, и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь, и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов, а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее - учителя Церкви, архипастыри суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя или старая?» - «Оставь свои бредни, - отвечал о. Серафим, - жизнь наша есть море, св. Православная Церковь наша - корабль, а кормчий - сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди по своей греховной слабости с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду - спастись без Кормчего?»

[1] С. 344

«Что прияла и облобызала св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага делает».

[1] С. 434-438

«Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением св. постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четырехдесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима, имущая веру и благочестие в щит и броню правды: сих врата ада не одолеют».

[1] С. 354-355

«Мы, живущие во грехах, далеко отступили от путей спасения... Исправимся, да Господь нас помилует! Возлюбим Церковь Святую и Православную, возлюбим веру, как наше твердое и благодатное ограждение; да будет правда нам в броню и благочестие в щит спасения. Ими Россия будет славна, крепка и необорима, и врата ада не одолеют нас!»

[5] С. 277-278

«В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: Моисее, Моисее! рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть. Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандилы, или лампы, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших».

[1] С. 411

«Не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, т. е. с еретиками и с раскольниками, во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают».

[1] С. 444

О Святых Тайнах

«Благодать, даруемая нам Приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться благодатию Христовою, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется». «Верую, что по великой благости Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося...».

«Бывает иногда так: здесь на земле и приобщаются; а у Господа остаются неприобщенными».

[4] С. 32-33

О чтении Евангелия

«Читаешь ли ты святое Евангелие? Читай почаще следующие слова в сей Божественной книге: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 28-30)».

[1] С. 352

«Душу снабдевать надобно Словом Божиим. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным».

[4] С. 31

О Втором пришествии Господнем

Одному Саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день Второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнения о. Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого Старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: о дне том и часе никто же весть: ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой Един. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческаго. Яко же бяху во дни прежде потопа: ядуще и пиюще, женящиеся и посягающе, дондеже вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго (Мф. 24, 37)».

[1] С. 353-354

О благодарении Бога

Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим, как бы плодом своего дела. «Мы, - говорил он, - должны

всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: о сем не радуйтесь, яко души вам повинуются: радуйтесь же яко имена ваша написана суть на небесех» (Лк. 10, 20).

[1] С. 200

«Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша (при этом он показал на свою келлию) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. апостол Павел (2 Кор. 12, 2-4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту Горнего селения, в котором водворятся души праведных?!»

[1] С. 362

«Благодарите Господа Бога за то, что он избрал из вашего рода в служение себе».

[4] С. 208

О хранении познанных истин

Старец, украшенный высокой духовной опытностью, наблюдал известные правила в раскрытии пред другими своих благодатных дарований. Правила сии изложены им в наставлении: о хранении познанных истин.

«Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил свою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?»

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею, и по тому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (О небесной иерархии. Гл. 2): «Соделавшись сам божествен, божественных вещей познанием и в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни: не бо праведна есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов - чистое, световидное и драгоценное благоуукрашение». Надобно содержать в памяти слово Господне: не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не повергнут их ногами своими и вращшесь расторгнут вы (Мф. 7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изречению св. Исаака Сирина, «лучше есть помощь яже от хранения, паче помощи яже от дел» (Сл. 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно, по глаголу: Аз прославляющих мя прославлю (I Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся».

[1] С. 196-197

Учить других - камешки бросать

Один благоговейный священник привел с собою к о. Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу Старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец заметил ему о профессоре: «Не нужно ли ему доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную Веру, сам профессор семинарии и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его на счет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно, как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела».

[1] С. 342

Скорби - от страстной жизни

Раз пришел к о. Серафиму приезжий из Владимирской губернии купец. Милостиво и ласково Старец обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки и скорби суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои». О. Серафим советовал купцу поговеть в Сарове и причаститься Св. Таин, обнадеживая, что Господь, в случае искреннего покаяния, не отнимет от него Своей благодати и милости.

[1] С. 370

Одному человеку он предсказывал, для его исправления, наказание Божие, имевшее последствием своим его смерть. Пришла к о. Серафиму жена этого человека... Старец убеждал ее поговорить со своим мужем, чтобы он исправил себя от невоздержания, дерзости, несправедливых притеснений и немилосердия в отношении других. «Если муж твой не оставит этих страстей, вкоренившихся в нем, то он непременно будет за то наказан Богом».

[1] С. 377

О борьбе со страстями

«Страсти истребляются страданием и скорбью, или произвольными, или посылаемыми Промыслом».

[4] С. 15

Чем, спросил я, истребить гордость и приобрести смирение? Он отвечал: «Молчанием. Бог сказал Исаии: На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущаго словес Моих». Касательно духовной гордости он прибавил еще: «Проси Бога, чтобы он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются».

[1] С. 434-438

Не покоряться диавольскому страху

«Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли которого не спадет ни один волос с головы нашей».

Искушения диавола подобны паутине: только стоит дунуть на нее - и она истребляется; так-то и на врага-диавола: стоит только оградить себя крестным знамением - и все козни его исчезают совершенно. Все святые подлежали искушениям, но подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилоствляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь которого они терпели». И наконец несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

[1] С. 349-350

О милостыне и благотворении

«Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами св. церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на восстановление Дивеевской общины, за твое здоровье».

[1] С. 350

«Вот что пророк Давид пишет: Господи, возлюбих благолепие дому Твоего, и место селения славы Твоея. Вельми хорошо, батюшка, украшать храмы Господни».

[1] С. 402

Один военный после посещения Преподобного рассказывал: «Отец Серафим давал мне наставления, особенно чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд».

[1] С. 431

«Давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает».

[1] С. 437

«Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание, кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божия свыше. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит».

[1] С. 173

О болезнях

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях, и как вообще проводить жизнь, он отвечал: «Болезнь очищает грехи. Однакоже воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись - упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сый, удержишь. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его».

[1] С. 434-438

Одна дивеевская сестра рассказывала, что при жизни батюшки Серафима она 30 недель лежала в постели от нестерпимой боли и 13 недель была совершенно глуха. «Однажды глухая и слабая, я, глубоко вздыхая, пролила горячие слезы. Вдруг вижу, что в келлии, где лежала, сделалось светло, входит батюшка Серафим и говорит: «Ну вот, матушка, слезы и вопли твои заставили меня придти к тебе; ты больна и не находишь ни в чем утешения, и вот я пришел!» - «Ах, батюшка, отец наш, ты ли это?» А он говорит: «Перекрестись и говори до трех раз: во имя Отца и Сына и Святого Духа!» - «Батюшка, я от слабости не могу и рук поднять, - говорю ему, -

и они у меня не владеют!» Тогда он взял обеими руками мою больную голову, приподнял и перекрестил ее. «Ну вот, матушка, - сказал он, - я, собственно, для тебя и приходил, чтобы исцелить тебя. Головке будет легче, но совсем не выздоровеет...» - «Да как же, батюшка, - говорю я, нет уж, исцели до конца!» А он в ответ: «Нет, матушка, не на пользу нам, все будет немножко болеть!»

[1] С. 407

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна, и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек; но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть: да мы сами не хотим».

[1] С. 434-438

Об источнике преп. Серафима

Многим даже в ранах о. Серафим приказывал окатиться водою из его источника. Все получали от этого исцеление - и в различных болезнях.

[1] С. 394

О приготовлении к смерти

«Не сокрушайся, что муж твой перед смертью не приобщился Св. Христовых Таин, не думай, радость моя, что из этого одного погибнет его душа. Бог может только судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда и так: здесь на земле приобщается, а у Господа остается неприобщенным; другой хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполнится его желание, совершенно от него независимо. Такой невидимым образом сподобляется причастия чрез Ангела Божия».

[1] С. 387-388

«Какая радость, какой восторг, - говорил он, - объемлют душу праведника, когда по разлучении с телом ее сретают Ангелы и представляют пред лице Божие!»

[1] С. 441

Впавшим в грех

Однажды по какому-то случаю кн. Грузинская послала своего племянника подполковника В. Ф. Островского к прозорливому Старцу. Отец Серафим принял его очень милостиво и между прочими добрыми наставлениями вдруг сказал ему: «Ах, брат Владимир, какой же будешь пьяница!» Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили Островского. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию; к о. Серафиму имел глубокую преданность, а к подчиненным был как нежный отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни. Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще: «Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные пороки, и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех - высокоумие. Испытание твое

пройдет, по милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни; только не забывай своего греха».

[1] С. 374

Для избирающих жизненный путь

«Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть жених ей, вводящий ее в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

[1] С. 152

Многие являлись к о. Серафиму просить благословение удалиться для спасения души на Афон, но Старец никому благословения не давал, говоря, что там очень трудно, невыносимо скучно. Спасаться, по его мнению, всего удобнее в Православной России. «Если мы здесь плачем, - говорил о. Серафим, - то туда идти - для стократного плача, а если мы здесь не плачем, то и думать нечего о св. обители». Другие приходили к Старцу просить благословения быть юродивыми, на что не только он не давал совета, но с негодованием говорил: «Кто берет путь юродства на себя без особого звания Божия, все в прелесть впадают; из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелести находился, - и погибали или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли; при мне только один обнаружил юродство, запел в церкви кошачьим голосом, старец же Пахомий в ту же минуту приказал юродивого вывести из церкви и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должно выходить без особого звания: путь затворничества, юродства и путь настоятельства».

[1] С. 359

«Брачная жизнь благословлена самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир... Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима».

[1] С. 366

О семейной жизни

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал: «Царство Божие не брашно и питье, но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных, и брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: раститесь и множитесь. Только враг смущает все».

[1] С. 437

Юноша явился к о. Серафиму с вопросом, благословит ли он его на поступление в монастырь. Старец сказал: «Не все могут вместить, и на это принуждения от Господа нет, но все возможно верующему... Остаься в мире, женись, не забывайте с сожительницей общения, страннoлюбия; держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на Страшном суде Божиим, по св. Евангелию: Взалкал и дасте ми ясте, возжаждал и напоисте меня, наг бех и одеясте мя... - вот в чем ваше спасение и еще приложите чистоту, храните среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. За нехранение чистоты, за несоблюдение среды и пятка супругами дети рождаются мертвыми, а за нехранение праздников и воскресных дней жены умирают родами».

[1] С. 362-363

О родителях и детях

В отношении к родителям о. Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу со своею матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъявить о. Серафиму слабости своей матери, Старец мгновенно положил правую руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. «По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их».

[1] С. 353

«Матушка, матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом».

[1] С. 367

Надо угождать Богу, а не людям

Я спросил Старца: обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? Он отвечал: «Кто как может, но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа».

Еще спросил я: должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волею Божиею, например, праздно проводить время и т. п.? На это о. Серафим возразил: «За эту любовь многие погибли, аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего - Бога».

[1] С. 436

Высокопоставленным лицам

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. О. Серафим относился к ним с должною честью и с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. Православной Церкви, своему природному Государю и Отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живой проповедью об их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самую жизнь для блага Родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять великую святую православную католическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями и суетными мудрованиями века. «Этого, - говорил он, - ждет от вас народ русский, к тому должна побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил Государь, к этому обязывает св. Церковь и Сам Господь Бог, ее Основатель и Хранитель».

[1] С. 153-154

Начальствующим

«Матушка! Чтобы твои подчиненные были добры и послушны, ты сама наперед смири себя и подавай собою добрый пример незлобия. Видя твою жизнь, и твои подчиненные охотно будут ей подражать. Читай чаще житие Саввы Освященного, и из него сама научишься терпению».

[4] С. 130

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания, он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда и благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя».

[1] С. 436

Подчиненным

«Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; ибо несть власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть (Рим. 13, 1)

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: противляйся власти, Божию повелению противляется: противляющийся же себе грех приемлют (Рим. 13, 2)».

[1] С. 339

Военным

Генерал П. Я. Куприянов пришел к Старцу и благодарил его за молитвы. «Вашиими молитвами, - говорил он, - я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни назад ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил святую воду - и Бог охранил меня от врагов невредимым».

[1] С. 351

Беседа с Богдановым

Я спросил старца Серафима: продолжать ли мне мою службу, или жить в деревне? О. Серафим отвечал: «Ты еще молод, служи». «Но служба моя нехороша», - возразил я. «Это от твоей воли», - отвечал старец. «Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается - везде спасен будет; а кто не приобщается - не мню. Где Господин, там и слуга будет. Смирять себя, мир сохранять, ни за что не злобься».

Я спросил еще: благополучно ли кончится мое дело? Старец отвечал: «Надобно полюбовно разделить с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войною. Одному нивы надобно 12 сажень, а другому более. Не пожелай».

После того я спросил: учить ли детей языкам и прочим наукам? И он отвечал: «Что же худого знать что-нибудь?» Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого Старца обличение: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: «Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ». Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на

отвержение Петра? и что делать при противоречиях? Старец на это отвечал мне так: «Св. апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайтесь вином. На это надо разум. Не воструби; а где нужно, не премолчи».

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: «Евангелие по 4 зачала в день, каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел, и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя».

Спрашивал я также о. Серафима насчет опасности нынешних советов и можно ли ввериться учению других. Он отвечал: «Это вам необновленным», и улыбнулся. «Довольно одного Ангела-хранителя, от св. купели нам данного. Если ярость в ком есть - не слушай; если девство кто хранит - Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей, и Евангелие читай».

Я попросил о. Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. О. Серафим сказал мне: «Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В терпении вашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах, он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть».

[1] С. 434-438

Литература

1. Архимандрит Серафим (Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. - СПб., 1903.
2. С. Глебов. Воспоминания паломника о преподобном Серафиме//«Миссионерское обозрение». 1903. № 11.
3. Е. И. Мотовилова. Из воспоминаний о муже Николае Александровиче//Н. А. Мотовилов и Дивеевская обитель. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря, 1999. С. 79-88.
4. Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников.
5. Л. И. Денисов. Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Репринт. изд. 1904 г. - М., 1998.